

Римма Харламова

**МОЯ СМЕШНАЯ
ЖИЗНЬ**

Записные книжки и разные
разности

Римма Харламова

Моя смешная жизнь. Записные книжки и разные разности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34394682
ISBN 9785449098351

Аннотация

Читая эту книгу, вы будете гомерически хохотать. А иногда немножко сочувственно прослезитесь... Если вы застали описываемые времена, то непременно вспомните заодно свои собственные смешные и трогательные разные разности. А если вы родились позже, то ни за что не поверите, что так взаправду было. Ведь описание времени зависит от автора, а у этого автора взгляд пронзительный и на смешное ужасно падкий. А уж память какая – нет слов! Да и слова здесь встречаются... не часто печатаемые и произносимые.

Содержание

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ	5
Родом из детства	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Моя смешная жизнь Записные книжки и разные разности

Римма Харламова

© Римма Харламова, 2018

ISBN 978-5-4490-9835-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Вообще-то это нахальство – гордо называть свои заметочки «Записными книжками», тем более, что никаких записных книжек у меня сроду не бывало. Но слишком часто в течение моей долгой и несправедливой жизни со мной случалось что-то забавное или необычное. Говорят, смешное к некоторым людям прилипает – это точно обо мне. Я описываю или пересказываю мелочи, крохотные эпизоды. Однако есть в них главные герои – моя семья, да и немножко я сама, а самое главное – время. Как говорили жители Чегема у Фазиля Искандера: «Эх, время, в котором стоим...»

Родом из детства

По рассказам ближайших родственников я очень рано начала говорить, еще до года. И вот везет меня бабушка в коляске, встречает нас соседка по двору и сначала говорит: «Ой, какая у нас девочка-красавица...», а потом заглядывает в коляску и уже совсем другим тоном разочарованно продолжает: «...и на кого же наша девочка похожа?» Я смачно, с громким чавканьем, выдергиваю соску изо рта и отвечаю: «Я – КОПИЯ ПАПЫ!» Соседка аж перекрестилась с перепугу.

Бабушка, мамина мама, меня упорно кормила ненавистной манной кашей, впихивала любыми способами: «Ложечку за Ленина, ложечку за Сталина, ложечку за Климент Ефремыча Ворошилова, ложечку за Лазарь Моисеича Кагановича...» – короче, я в ту пору все Политбюро знала наизусть и относилась к ним с таким же отвращением, как и к манной каше. А в конце кормежки, когда я совсем уж давилась, бабушка призывала тяжелую артиллерию: «А теперь ложечку за папу и ложечку за маму!»

Когда мои будущие родители начали встречаться, бабушка страстно мечтала, чтобы их брак состоялся. Когда мама собиралась на свидание, бабушка ее внимательно оглядыва-

ла и советовала: «Бэлла, накрась губы, он все-таки майор!» А когда родители уже были женаты, бабушка советовала маме: «Бэлла, ты должна утром днем и вечером благодарить Бога за такого мужа, тебе не по заслугам посланного!» И, конечно, бабушка страшно хвасталась любимым зятем перед соседями. Например, он просила папу его майорскую зарплату в военной академии брать рублями, трешками и пятерками, распихивать мятые сокровища по карманам, а дома вываливать на стол гору этого добра. Тут бабушка, естественно, под каким-нибудь предлогом звала соседку по коммунальной квартире, чтобы та восторженно и завистливо разинула рот...

Теперь я понимаю, что почти всю жизнь жила в теплице, не соприкасаясь с окружающей реальностью. Прибегаю домой как-то и спрашиваю маму, что означает слово на букву Х, написанное мелом на асфальте. Мама, не дрогнув, спокойно отвечает: «Это у нехороших мальчиков пипка». Спрашиваю тогда: «А у хороших это что?» – «А у хороших так и есть – пипка»... Думаю, я свою маму совсем не знала тогда, будучи сугубо папиной дочкой; мама всегда была такая строгая, сдержанная, праведная. А вот однажды, когда папы уже не стало, на торжественном застолье произносил бесконечную речь друг моих родителей, и вдруг мама мне шепчет: «Наверное, он хороший любовник». Я, обалдев, спрашиваю: «Почему это?!» – «ДОЛГО НЕ КОНЧАЕТ...»

Сижу, читаю книжку. Папа спрашивает:

– Ты что читаешь, физику?

– Нет...

– А ЧТО ТОГДА?!

Папа жил перед войной в украинско-еврейском местечке / деревне, где, между прочим, не было тогда никакого антисемитизма: украинцы доили еврейских коров по субботам, а евреи – украинских коров по воскресеньям; батюшка дружил с раввином и каждую неделю играл с ним в шахматы. Бабушка объяснила маленькому папе, что к батюшке нужно относиться со всем уважением, как к раввину, и папа при встрече с батюшкой снимал шапчонку и, сияя ясными голубыми глазищами, приветствовал: «Здравствуйте, батюшка, со всем уважением!» Там папа сначала учился в крохотной сельской школе, где все классы находились в одной и той же комнате, а все уроки вел один и тот же учитель, он же директор школы, Никифор Матвеич. Позже, в старших классах, папа ходил за семь километров в другую школу, в другой деревне. С трех лет пас гусей. И тем не менее свободно знал не только идиш и украинский (русский тогда еще не знал), но также немецкий (который в ту пору везде в СССР учили: как всегда на Руси, прежде всего учат язык потенциального противника) и даже несколько экзотический английский. Переписывался с великим популяризатором науки Яковом

Исидоровичем Перельманом. Сам собрал детекторный радиоприемник и связывался со всем миром, получая карточки подтверждения; например, была у него карточка Абдаллы ибн Хусейна, тогда эмира, а после войны короля Иордании. После школы поступил в Москве одновременно на дневное отделение Института связи и на вечернее – в ИФЛИ (института философии, литературы и истории). Прошел финскую войну и Отечественную, а потом закончил академию, стал доктором наук, профессором, заслуженным изобретателем и академиком двух академий.

Это я к тому, что вода дырочку найдет, не погубит человека трудное детство, было бы стремление, ну и ум, конечно.

Интересуюсь на уроке истории, как это Александр Македонский грек, когда Македония в Югославии? Мне объясняют: у Александра была Древняя Македония, а в Югославии – просто Македония, и там живут потомки не древних греков, а древних славян. Ну ладно. Прошло страшно много лет, уже и Югославии никакой нет, а зато Греция нынче судится с Македонией из-за названия, и вообще Александр, оказывается, не совсем даже грек... Так я права была, что ли, в своем недоумении?

Верчусь перед зеркалом. Мама сдержанно замечает: «Теперь ты видишь, что ДОЛЖНА ОЧЕНЬ ХОРОШО УЧИТЬСЯ?»

Только однажды в детстве (и в жизни) я сделала карьеру: в пионерском лагере меня назначили командиром отряда. Увы, недолго я продержалась на высоком посту – минут пятнадцать, с момента моего назначения на утренней линейке и до торжественного входа нашего отряда в столовую на завтрак. В ту пору пионеры всюду ходили, дружно голоса строевую песню типа «К нам в отряд, к нам в отряд приходит лучший друг ребят, вожатый наш, он токарь ма-ла-дой!» или речовку типа «Раз-два, Ленин с нами, три-четыре, Ленин жив, выше ленинское знамя, пионерский коллектив! Будь готов – всегда готов! Будь здоров – всегда здоров! Бодрые, веселые, всегда мы тут как тут, пионеры-ленинцы, ленинцы идут! Да здравствует наука, да здравствует прогресс и мирная политика ЦК КПСС!» А тут по моей командирской инициативе мы лихо промаршировали по лагерю, громко распевая песню из свежего кинофильма «Человек-амфибия»: «Нам бы, нам бы, нам бы, нам бы всем на дно! Там бы, там бы, там бы, там бы пить вино! Там, под океаном, трезвый или пьяный, не видно все равно!..» Шли замечательным строем, да и пели классно. Но мне это не помогло.

Дед мой, папин папа, был весьма привлекателен: правильные черты лица, серо-голубые глаза, пенсне (перешел на очки только в старости), мускулы железные (зарядку делал с эспандером на ПЯТЬ ПРУЖИН); говорил при всем том с ужа-

сающим идишистским акцентом. Не представляю, как это он в юности служил в Первой конной у Буденного, махал шашкой и кричал: «Уг-г-га!» Там он и с бабушкой, девятнадцатилетней революционной фельдшерицей, познакомился; а деду только исполнилось восемнадцать. Буденный даже был посаженным отцом на их «красной свадьбе». Мой папа родился морозной зимой двадцать первого года, когда бабушкин госпитальный бронепоезд остановился в городе Гомеле. На восьмую ночь молодой мой дед на телеге тайно привез раввина сделать папе обрезание. Революция революцией... По убеждениям дед, кстати, так и остался бундовцем и троцкистом; Троцкого всю жизнь ласково называл «Лев Давидович». Бабушка умерла гораздо раньше деда, он еще лет 25, наверное, вдовел. Но недаром говорят: «Если умирает муж – остается вдова, а если умирает жена – остается жених»; дед эту свою последнюю четверть века жил прямо как моряк – в каждом порту по девушке. Его отношение к своим необременительным романам ясно показывает записная книжка с адресами и телефонами. Он остановился у нас в Москве по дороге из Минска в Ленинград, где жила очередная его девушка (понятное дело, тоже бабушка). И вдруг сломал руку, попал в больницу. Мама стала искать в этой его книжечке телефон девушки: надо же ее предупредить, что дед не приедет. Ищет по страничкам первую букву ее имени – нет, первую букву фамилии – нет, букву Л – Ленинград – тоже нет; стала читать все подряд и нашла аж на букву

«Р» – в разделе «РАЗНОЕ» (!) Между прочим, рука срослась криво; врач говорит деду: «Да ладно, не ломать же...» – а дед ему возмущенно: «Нет уж, ломайте, как же я девушек буду кривой рукой обнимать!»

Уже будучи студенткой учу в присутствии деда стихотворение Павла Васильева «К Наталье»: «...чтобы твое яростное тело с ядрами груди позолотило, так, чтоб наглядеться я не мог». Дед возмущается: «Какая глубая эготика!»

Бабушка, папина мама, в Гражданскую войну была фельдшерницей у Буденного, а в Отечественную стала фронтовым хирургом. В первые месяцы войны мой папа попал в окружение, от него долго не было вестей. Бабушка по 16—17 часов подряд оперировала, а в редкую минуту тишины шла в лесок, обнимала дерево, прижималась лицом к коре (чтобы никто не слышал) и молила Бога, чтобы он спас ее сына. И папа

вернулся! Они вышли из окружения с оружием, документами и знаменем, так что СМЕРШ ни к чему не мог придраться; правда, весил папа после скитаний 36 кг. И вот я – вся такая дура-пионерка-атеистка – ехидно спрашиваю бабушку: «А если бы папа не вернулся, ты бы продолжала верить в Бога?» Бабушка тихо отвечает: «Тогда ты бы не родилась на свет и некому было бы задавать идиотские вопросы» – и все гладит сухой жесткой ладошкой мою глупую, бедную мою голову...

Еще немножко, связанное с Буденным. Папин учитель, академик Александр Львович Минц, в молодости служил в Первой Конной, там затеял первое советское радио (электричество добывали молодые бойцы, по очереди крутившие

педали велосипеда без колес – типа динамомашины). И вот к его юбилею папин институт сделал подарок со множеством памятных намеков: вроде тачанка, а на ней три ракеты, на которых надеты буденновские шлемы; внутри бутылочки; одна с рисунком в виде трех пятиконечных звездочек (внутри коньяк), другая – с тремя пшеничными колосками (внутри водка), а на третьей изображены три свеколинки, и внутри натуральный самогон, моя мама специально за ним в деревню ездила. Александр Львович сказал, что со всеми поделится коньяком и водкой, но уж самогон выпьет сам, один, лично.

Папа закончил военную академию и служил потом в разных местах, в том числе на аэродроме в степи. Построили аэродром, крохотный военный городок рядом – и все, даже воды нет, привозят питьевую воду раз в трое суток в ржавой цистерне, а раз в неделю приезжает солдатская баня и расставляет брезентовый шатер. Командует всем этим некий генерал. Голос у него был жутко скрипучий, а сам он был ужасно нудный и приставучий. К примеру, видит, что солдатик что-то паяет, встает у него за спиной, долго наблюдает и, наконец, неторопливо спрашивает: «Что ты паяешь, солдат?» – и еще долго уточняет, задавая наводящие вопросы. Однажды в воскресенье обходит он городок снаружи периметра, видит, что пара лейтенантиков в увольнительной неподалеку на взгорке выпивают и закусывают, заходит, как водится, с тыла и внезапно спрашивает их: «С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ ДЕ-

ЗЕРТИРОВАЛИ из расположения части?»

Жили мы, как и все, в сборно-щитовом домике; топили торфяными брикетами; снег зимой доходил до самого чердака. Вот мы как-то втроем: папа, младший мой брат Михаил и я, стоим на чердаке, смотрим в окошко, папа и говорит: «Снег такой глубокий, что можно в него сверху прыгнуть – и не будет больно». А братик четырехлетний, не успел папа договорить, тут же вмиг – хоп! – и сиганул в сугроб! Недаром друзья родителей называли нас «МиШустрик и РиМямлик» и говорили, что меня надо перед употреблением взбалтывать.

У брата Михаила и в четыре года характер был нордический, твердый. Я пошла в школу, в первый класс. Школа включала только четыре первых класса, зато завтрак на большой перемене привозили из столовой для летчиков и там давали **САРДЕЛЬКИ С ПЮРЕ!** Брат заявил, что он первого сентября тоже пойдет в школу, – и, конечно, настоял на своем. Взял папин портфель и, несмотря на свою невероятную подвижность, честно **ПРОСИДЕЛ ВСЕ УРОКИ В КЛАС-СЕ**, а на большой перемене с огромным удовольствием съел небывалые эти сардельки с пюре.

Брату шесть лет, а мне почти одиннадцать; во дворе дети играют в пинг-понг «на вылет». Старший мальчик Юра говорит мне: «Ну, ты, Сарочка!» Пока я размышляю, как это

он не запомнил, что я не Сарочка, а Риммочка, абсолютно не сообразив, что он меня попросту обозвал жидовкой, мой младший брателло мгновенно среагировал (сеструху обижают!), вспрыгнул на стол для пинг-понга и **ВЦЕПИЛСЯ ЗУБКАМИ В ГОРЛО** мальчику Юре. Дома вскоре раздался жуткий стук в дверь, звон, вопли; мама открывает – стоит мамаша Юры и орет: «Уймите своего малолетнего убийцу!»

Замечу, что героизм моего братика был не столько связан с тем, что мальчик Юра был в два раза его старше, но именно с мамашей Юры. Например, однажды учительница весь Юрин класс оставила за что-то после уроков и предупредила, что сидеть будут, пока родители не придут забирать. Уже **ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ УРОКОВ** прибежала мамаша Юры и долго орала на учительницу. Ее все боялись, кроме моего братика!

У него всегда был абсолютный слух, но никакой возможности не было убедить его в детстве учиться играть на фортепиано: он – р-раз! – в одну сторону раскручивался на круглом стульчике, а потом – р-раз! – и в другую сторону, на этом урок и заканчивался.

Однако когда – уже подростком – он **САМ РЕШИЛ НАУЧИТЬСЯ** играть на гитаре, то **САМ И НАУЧИЛСЯ**: играл потрясающе на шести- и двенадцатиструнной акустической красавице, играл в агитбригаде, выступал на телевидении; в общем, ему просто была необходима свобода выбора.

Артистизм и чувство юмора оставались с ним в любые годы и при любых обстоятельствах. Так, его фирма стала как-то выпускать электрошокеры в форме складных зонтиков разного цвета и размера. Мало того, что брат их собственноручно изобрел, так еще и собственноручно поименовал: миленький маленький розовенький дамский назвал «Мальвина», стандартный черный мужской – «Арнольд», в честь Шварцнеггера, а здоровенный черный полупрофессиональный получил славное имя «Лука» в честь Луки Мудищева, бессмертного героя поэмы Ивана Баркова, – «имел он на бе-

ду величины неимоверной восьмивершковую...». Согласно действовавшим с 1835 года соотношениям, 8 вершков равнялись 35,6 см.

Юля, дочка Михаила, совсем другая. Идеальная была бэбичка: спала с вечера до утра без перерывов. Однажды брат с женой меня с ней оставили вечером и сказали: «Если проснется, ты не волнуйся, напой ей а-а-а-а, она и убаюкает-ся». Ладно. Спит ребенок. В какой-то момент начинает кричать, вроде просыпаться, я только приготовилась, а она вдруг запела а-а-а-а – И САМА СЕБЯ УБАЮКАЛА!

В раннем детстве ее любимая фраза была: «МНЕ ВСЕ ОБИДНО!» – и как я ее теперь понимаю! И еще часто вспоминаю другое Юлино выражение: «ВЫ ВСЕ ПЕРЕПУКАЛИ!»

И еще мне страшно нравится выражение уже взрослой Юли: «ИЛИ ТАК, ИЛИ НИКАК!»

А вот Юлин младший брат, мой племянник Сережа, когда был совсем маленьким, много букв и слов не выговаривал. Но не заморачивался, а как-то умудрялся всех вокруг заражать своими неправильностями. Например, он никак не мог выговорить имя моего папы, своего дедушки: Давид. Тогда ему предложили говорить «дед Додя». А Серега сказал «Дуда» – и всё, и вслед за ним его родители, сестра, другие бабушка и дедушка – все дружно стали говорить

«Дуда». Уважаю. А еще он придумал замечательное слово
ГАЖА – тут тебе и лужа, и грязь, и гадость...

Николай Иванович – папин фронтовой друг, соученик по Академии, а потом еще и сотрудник. Его крылатые выражения до сих пор живут в нашей семье.

Вспоминал он, к примеру, как они вместе с папой и нынешним замначальника Генштаба в военной академии учились. На физподготовке, говорит Николай Иванович, я лично до тридцати раз на турнике подтягивался, Давидушка (мой папа) раз пятнадцать вымучивал, а Валентин (тот, что впоследствии стал замначальника Генштаба) не больше десяти подтягиваний одолевал, да и то С ПЕРДЕЖОМ...

Папин сотрудник Костя дважды женился, оба раза уводя жену от прежнего мужа. На второй его свадьбе Николай Иванович его мягко упрекнул: «Костя, ну что ж ты все ИЗ-ПОД ЛЮДЕЙ ТЯНЕШЬ?»

Однажды в брежневские времена Николай Иванович заявил: «Я одним движением резца мог бы создать скульптуру Леонида Ильича, только мне для этого нужен МОРЖ!»

Папин коллега увлекался фотографией, в частности, фотомонтажем (еще не было даже мысли об электронных камерах). Когда у него родился внук, он решил подшутить над сватом – отцом своего зятя – и послал ему по почте в Рязань фотомонтаж новорожденного младенца С ОСТРЫМИ ТРЕУГОЛЬНЫМИ АКУЛЬИМИ ЗУБАМИ, открытыми миру в ясной улыбке. У свата случился инфаркт...

Ч-ев был в папином НИИ вроде интенданта: главный по материальному обеспечению. Здание НИИ гордо протянулось над набережной Волги, а внизу, у самой реки, оказалась ничейная полоса земли. Понятно, сотрудники хотели волейбольную или баскетбольную площадку там устроить и в обеденный перерыв с мячом попрыгать. Однако Ч-ев не допустил и затеял на этом месте торжественный фонтан. Построил. Красиво. Только почему-то никакая вода из него так и не потекла, тем более – не забила. Вот в народе и называли этот безводный фонтан «Памятник Ч-еву». Так и прижилось. Уже никто не помнит, кто это такой – Ч-ев, а название его, дурака, увековечило.

В гарнизоне мы жили, на аэродроме или просто в микрорайоне немалого города Калинина (ныне Тверь) рядом с папиным НИИ, – фактически мы жили в военном городке, где все всё про всех знали. Например, выхожу я с молодым человеком из подъезда, вежливо здороваюсь с бабаньками на скамеечках, а они мне вслед: «Дочка Давид Соломоныча пошла на набережную с сыном Борис Максимыча...» Прямо как в популярной частушке моего детства: растет в Тбилиси алыча не для Лаврентий Палыча, а для Клемент Ефремыча и Вячеслав Михалыча...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.